

В тот год Чэн Му исполнилось восемнадцать, а Шэнь И — двадцать.

Шэнь И сидел на террасе верхнего этажа особняка семьи Шэнь. Между пальцами дымилась сигарета, и в тусклом свете ламп тонкая струйка дыма рассеивалась, подчеркивая суровые черты его лица. Его глубокие глаза напоминали застывшее ночное озеро.

Ночь в Южном городе была подобна зверю, пожирающему всё вокруг. Неоновые огни отбрасывали на стены темных переулков причудливые, двусмысленные тени, а из далекого бара доносились низкие, тягучие звуки джаза, пропитанные холодным равнодушием, свойственным лишь роскошным мегаполисам.

Если в юности в Шэнь И еще теплилась мальчишеская дерзость и запальчивость, то теперь он окончательно превратился в остро отточенный клинок.

На нем была черная рубашка с чуть засученными рукавами, обнажавшими запястья с четкими, холодными линиями жил. Пальцы с выраженными суставами небрежно покоились на столешнице — поза казалась расслабленной, но в ней сквозила смертельная опасность. Его лицо, безупречное и лишенное изъянов, с острыми скулами, прямым носом и плотно сжатыми тонкими губами, словно было создано самой природой для того, чтобы властвовать, оставаясь холодным и безжалостным. Он напоминал тонко выточенное божеством произведение искусства, лишенное малейшего тепла.

Таким был Шэнь И — истинный хозяин дома Шэнь.

Стоявший за его спиной Чэн Му застыл в ночи, словно тень, укрытая тьмой. Его фигура стала еще более статной и атлетичной, чем в юности. Черная рубашка облепляла крепкие мышцы, подчеркивая прямую линию спины и широкие плечи. Весь его облик напоминал подготовившегося к прыжку леопарда — мощного и сдержанного.

Черты лица Чэн Му не были столь утонченными, как у Шэнь И, — они были более глубокими и жесткими. Острые брови, темные, бездонные глаза, вечно плотно сжатые губы и едва заметный шрам у внешнего края левой брови, который при ближайшем рассмотрении придавал ему хищный вид. В отличие от Шэнь И, чье равнодушие было врожденным аристократизмом и отстраненностью, холодность Чэн Му была продуктом осознанного терпения и покорности.

Он никогда не заговаривал первым, не позволял себе проявлять эмоции, а в его взгляде всегда читалась дистанция, смешанная с предельной преданностью. Он был словно клинок, спрятанный во тьме: всегда острый и никогда не предающий своего владельца.

Шэнь И медленно выпустил струю дыма и лениво бросил взгляд на Чэн Му:

— Ты не можешь сменить одежду? Глаза уже мозолит.

Чэн Му вздрогнул, опустил взгляд на свою черную рубашку, помолчал секунду и тихо ответил:

— Молодой господин любит, когда я в черном.

Шэнь И коротко усмехнулся, его тон был небрежным:

— А ты и правда послушный.

Чэн Му ничего не ответил, лишь упрямо остался стоять на месте, словно привык к колкостям Шэнь И. Для него это было делом привычным.

В этот момент Шэнь И внезапно протянул руку, длинными пальцами обхватил подбородок Чэн Му и заставил его поднять голову. Чэн Му нахмурился, но не стал сопротивляться, лишь молча глядя на него. Шэнь И прищурился, изучая его лицо, и произнес низким голосом:

— Чэн Му, я только сейчас заметил, что ты довольно красив.

Кадык Чэн Му едва заметно дернулся, в глазах мелькнуло трудноуловимое смятение. Он, конечно, знал, что не уродлив. Но его лицо никогда не принадлежало ему самому. Он был человеком Шэнь И, у него не могло быть собственного вкуса, собственной одежды, и даже внешность должна была соответствовать лишь тому, что нравится хозяину. Поэтому он всегда придерживался скромного черного цвета, никогда не позволяя себе выделяться.

Однако Шэнь И, казалось, был не удовлетворен его скрытностью.

— Чэн Му, — внезапно произнес он, растягивая слова, — если я прикажу тебе изуродовать себя, ты будешь колебаться?

Чэн Му весь напрягся. Он был удивлен, но не показал этого. Опустив голову, он ответил спокойным голосом:

— Нет.

Шэнь И приподнял бровь, словно ответ его не удивил:

— О? Почему?

Голос Чэн Му оставался холодным, как обычно:

— Мне не нужно лицо, чтобы служить вам.

Шэнь И несколько секунд пристально смотрел на него, а затем вдруг улыбнулся — холодно и иронично:

— Отлично.

Он отпустил его подбородок и добавил с легкой насмешкой:

— Но тебе не нужно калечить себя самому, потому что рано или поздно кто-нибудь обязательно захочет это сделать.

В мире семьи Шэнь опасность подстерегала на каждом шагу. Встав во главе клана, Шэнь И быстро навел порядок, расширил теневой бизнес и прочно занял место на вершине иерархии преступного мира Южного города. В этом темном царстве имя Шэнь означало контроль и страх, а Шэнь И был королем, стоящим на вершине пищевой цепи.

Но королю нужны верные когти. И Чэн Му был самым острым его клинком.

В тот год, когда Шэнь И исполнилось двадцать, враги наконец не выдержали и решили преподнести ему подарок. В тот вечер Шэнь И был приглашен на банкет подземных сил Южного города. В зале сияли огни, звенели бокалы, высокопоставленные гости улыбались друг другу с притворным радушием, но в воздухе уже чувствовалось дыхание смерти.

Чэн Му неотступно следовал за Шэнь И, его рука покоилась на рукояти пистолета, скрытого под одеждой, взгляд был холодным и настороженным.

В середине банкета к ним подошла женщина в ярко-красном платье. С бокалом вина в руке она обворожительно улыбнулась:

— Молодой господин Шэнь, позвольте предложить вам этот бокал.

Шэнь И принял бокал, слегка изогнул губы в усмешке и, едва взглянув на нее, произнес:

— Благодарю.

В следующую секунду Чэн Му стремительно рванулся вперед. Он жестко перехватил запястье женщины, и от его силы она вскрикнула. Бокал выпал из ее рук и разбился вдребезги, осыпав пол сверкающими осколками.

В зале воцарилась гробовая тишина. Шэнь И слегка наклонил голову, глядя на Чэн Му, и приподнял бровь:

— Что случилось?

Чэн Му, не сводя ледяного взгляда с женщины, медленно разжал пальцы и ровным голосом произнес:

— В вине яд.

Лица присутствующих мгновенно побледнели. Шэнь И, напротив, не выказал ни малейшего удивления. Он лишь тихо рассмеялся, лениво глядя на своего охранника:

— Значит, ты не даешь мне его выпить?

Чэн Му опустил глаза, ответив спокойно:

— Если господин хочет, я могу выпить вместо вас.

Шэнь И посмотрел на него и вдруг улыбнулся с многозначительным выражением:

— Чэн Му, ты и правда слишком послушный.

Он поднял руку и слегка похлопал Чэн Му по щеке, его тон был небрежным и насмешливым:

— Жаль только, я никогда не любил слишком послушных собак.

<http://bllate.org/book/20551/2052971>